

А. И. РЫКОВ.

Избранный Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и РСФСР.

Фот. худ. М. С. Наппельбаум.

Кончина Ленина—великая потеря международного рабочего движения.

В. И. Ленин на заседании I конгресса Коминтерна в Петрограде в 1919 году.

Чудо актера Смирнова.

Рассказ Всеволода Иванова.

I.

Городок в пахучих песках—торчат только кресты церковок (но и те на обиду пьяному протоиерею не обновились) пустыни, похожие на былинки.

В городе некогда вели железную дорогу. Пассажиры-то ли испугались,—но вдруг оказались не надо проводить. Торчала в степь на рыскающей обкусанной насыпи—шпала, вылезла на зуб, кусок рельсы с заржавленными краями. Мещане повысили цену на сады, табачники киргиз еще сильнее завистливо от пота.

В этом городке появился актер Смирнов. Быстро Павлодара деревянная калачка, выходя на сахарную голову. Вокруг во площадке кружит пожарный, впереди выкрикивая вниз: «Дарья, убери с веревки подтанники, пересушишь!» Но из его скучного голоса ржут.

Обшир актер каланчу и проговорил: — Баста!

Баста на нем ватное пальто с воротником из черной кошки, рукава истрепанные, выщипанные гримом и тусклые на лице брови—оттого и морщинистом—как тусклые как грим глаза.

Каланчу на земле таких актеров!

Смирнов раздается по другому. Актеру Смирнову дано было гримировать так, что из его грима почти изменялось сердце.

Смирнов в Москве, загримировав великого трагика—он увидел следующее:

Смирнов взглянул в зеркало, охнул и потянулся за спину настоящий кинжал.

Смирнов ему настоящего не дали, а угодили лезвием старикам коньяка. Озноб

от страха перед собой не проходил,—он сыграл плохо. Публика ничего не заметила—ее ужасал грим. Срывая с яростью лицо, трагик вызвал к себе Смирнова и с легкой актерской аффектацией спросил: — Искусство любишь?

— Люблю,—ответил Смирнов и робко взглянул в вызванное им к жизни страшное лицо.

— Перед искусством, клянись, не будешь никого больше гримировать. Искусство должно быть с пределом. Дальше—идет смерть. Мое лицо видишь?

— Вижу.

— Ну?

Вытер Смирнов мокрые виски и сказал:

— Жу-уть...

Он был наивен и действительно любил искусство: он бросил гримировать. Когда же ему становилось очень скучно, он гримировал себя. Его краски словно распрямляли кожу—он молодел или старел. Наивные брови высоко взметывались его рукой—и ему хотелось плакать.

В день,—когда он обходил каланчу,—в клочке «Известий», несшихся по улицам, таких измятых и грязных, словно их придудло прямо из Москвы,—он прочел о смерти трагика.

Кони ржали, скрипели под их копытами гнилые доски пожарного сарая. А ему казалось будто скрипело его сердце.

II.

Предколлегии Уотнаробраза товарищ Мамонтов вымылся в бане. Хорошие бревенчатые бани есть в Павлодаре! Будто весь в пару тонешь, будто весь—один

пар! Один раз в году (когда щеки словно налиты вином) кажется преудотнар-образу—учителя не голодают, ребятишкам есть на чем писать, школы отоплены и советские черные канарейки—Ундервуды и Смитс-Премьеры—выщелкивают наградные и наградные...

Человек в пальто с котиковым воротником вошел и сел без стука.

— Я Смирнов,—сказал он скромно.

Мамонтов поглядел на его рукава и вздохнул:

— Нам бы революционный репертуар и хотя бы немножко смешно...

Плохо обритое лицо прикоснулось к кошке. Щетина вошла в щетину.

— У меня есть революционное предложение, товарищ заведующий.

Мамонтов недоверчиво дмыкнул.

— Все великие изобретения зреют в тиши, товарищ, подготовительная работа ужасна и вы, счастливые, видите только плоды.

— Знаем, я сейчас Мечникова читаю,—вдруг почему-то обиделся Мамонтов.

— Вот видите, товарищ, даже Менделеев об этом говорит. Я вам расскажу самое главное. Я вам не буду говорить о смерти, которая...

Мамонтов, вспомнив баню, прервал добродушно:

— Ладно. Короче и чтоб хоть один раз в жизни—смешно.

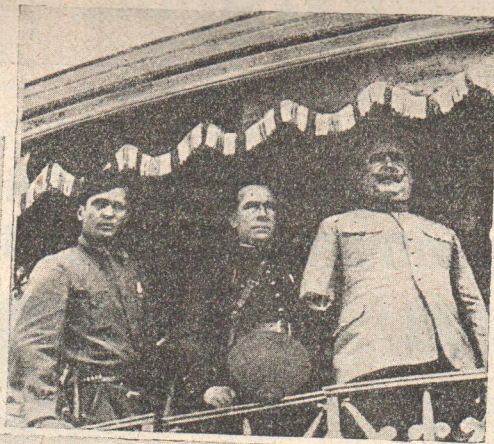
— Но, об этом уверяю вас... Итак, берем человека, гримирруем его. Получается что? Смерть.

— Положим, какая смерть? Ерунда.

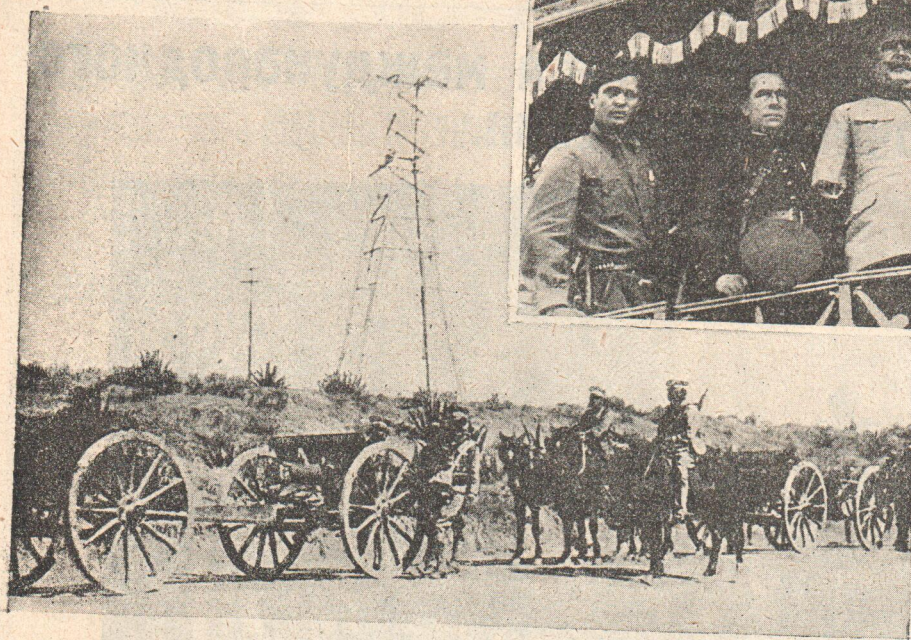
— Я говорю, где есть предел искус-

Гражданская война в Мексике.

Фот. Дж. Грауден.

ства, так его смерть. А значит и смерть жизни...
 Мамонтов поглядел на свои толстые пальцы, затем в потолок—увидал там впервые паутину, усеянную перхотью от бумаги, громадного с каблук паука— и больше для себя сказал:
 — Предположим, без искусства ка-кая же жизнь.

Наверху—тиран Мексики, ее президент генерал Обрегон среди своих генералов и отправляющихся на фронт защитников.

Внизу—эшелон революционных войск.

Первую выпустили козу. Ж должны были двинуться от каланчи главной улицы, пересечь город городом их переловят солдаты и в кирпичные сараи, где их разгряи
 Вдоль заборов, на заборах пот солнца и от ожидания—мещане. на них широкие, как деревья. Пе забиты мальчишками.

Смирнов последний раз обошел подбавил где нужно краски, во Усполном сидел на кирпичках достроенной церкви. Церковь ро лила город на две половины—от и была недостроена, потому что городе даже ни одного ровного не было. На кирпичках сидел и пр тель уотнаробраза Мамонтов, а фотограф устанавливал аппарат, мог изловчиться, чтобы сразу снять ствие и Усполком.

Козу направлял мальчишка—ни заметил его.

Это была даже не коза,—это был век. Борода у него тонкая, спут в семечках и в крошках вареных По земле почти волочился огромный кий живот, лицо с громадным гор носом и запыльшившиеся глаза,—о жал на четырех руках, мускулы у тощие и вялые. Смешнейшая гр обвивала все его тело Он бежал, и быть, пьяный, может быть, веселы бежал для себя и никого не вид даже не чихал от пыли.

Первый засмеялся, перепутав у часов на каланче, пожарный. Вни каланчи старуха вымочила платок сл от смеха. Затем прыснули солда словно сыпля семечками, мещане смеялись с жирдой.

Коза все дальше и дальше.

Тут загрохотали бубенчики, во сараев распахнулись и веселые ур вейные морды ринулись на песча желтую улицу.

Одни из них походили на куп бородатые, розовые и потные; другие, мещане—они были чуть ли не в пояе свободно обтягивавших животики. мадные, как щелы, рты, губы, разв ченные, как пласты земли, глаза осове мутные и гнилые. Брови колесом, гами, пятнами; все они заросли в ме ском жидком волосе, все они молча и оттого, что не стучали копыта о пес было невыносимо смешно..

— А я о чем же, коллега! Люди делают искусство и когда я, я их собственноручно гримирую—они убивают искусство. Хорошо. Кто же не делает искусства? Предмет, животное. Я против предмета, он не смешон. А животное... это... вы Дурова вспомните... он дрессирует... Он вскочил, замахал руками,—краска посыпалась на пол.

— Я их превращаю, я их гримирую... И вы подыхаете, лопаетесь, расплзаетесь от смещища... Массовое вам, доступное вам?..

Мамонтов опять увидел паука. У актера рот такой же паук. Мамонтов проговорил неуверенно:

— Вам бы с таким предложением в центр.

Все же портфели валялись у них из рук, белье мокло от смеха,—пожарный на каланче хоть ничего не видел, но трес перила и хохотал над всем городом. Какая-то чудовищно-несообразная смехотворная буря металась в пожарном дворе. Исполком обещал напечатать афишу в три краски, согнать весь уезд и вызвать представителя из губернии.

И от веселой жизни что-ли скоты жирели, веселились, яровали. Ржанье, бляенье и вой стояли над пожарным двором. Актер слушал их и крестился радостно.

— Слава тебе, господи, на старости лет...

Морщины у него были розовые.

* * *

Мамонтов знал не только бани, но и честолюбие. Актер истер подбородком весь воротник, слов он высказал больше чем волос в воротнике, бороде и затылке его. Массовое зрелище стоило недорого. Коллегия Отдела Народного Образования через Увоенкомат испросила несколько лошадей, овец, коз, верблюдов и наняла у татарина единственного в городе осла. Под опыты Смирнову дали пожарный двор. В губернию кто-то написал корреспонденцию о готовящихся массовых зрелищах в Павлодаре и его уезде. Пески будто стали реже и меньше пахучи. После четырех, с занятий, коллегия и представители Усполкома осматривали зверей. «Вы не очень, это еще не совершенно»— говорил им Смирнов.

Кто вошел в английское правительство.

Объединенное заседание Исполкома Английской Рабочей Партии и Совета трэд-юнионов. Из этих рядов было образовано правительство Рамзэя Макдональда, эта первая, хотя бы по имени, рабочая власть королевской Великобритании.

Встреча премьер-министра Макдональда на Лондонском вокзале.

Наряды, словно расколотые поленья—
вылезли и визжали от смеха. Рубахи
вылезли на мешаных. Казаки муслили
свои бороды.
Казаки—неудержимый, как дождь—мял
их, начал разглядывать животных. За-
щипывали, выли и миглом пропита-
лись.
Испуганно выронил бумаги. Фотограф
вышел аппарат и тыкал себе в живот
своими ножками подставки...
И вдруг коза загнулась, упала.
И старуха запоздало крикнула,
идя ртом в песок: «ой, матушки, кон-
чилась со смеху»...
Она было поднялась, чтоб еще раз
осмотреть старуху,—но опять загнулась
и снова повалилась на бок. Рот ее ис-
пачкался, слезли грим и вышли живые, на-
пуганные слезами глаза. Она заблеяла.
Казаки поравнялись с ней, останови-
лись.
И часть сердца всех—на заборах, в пе-
ределах, на кирпичных недостроенной
двери, на площади—словно кольнули
и провалились на ниточку.
Она слезла с ее грим. Ее косое, о-е-
вичье лицо перекинулось на соседе.
Она заревел верблюду. Его купеческая,
пестрая борода лопнула, ноги его вып-
нулись, шерсть полетела прочь. Кони
его заржали.
Борода, переулки дрогнули; ойкнул
человек и пополз в дом.
Словно с ревом ринулись вперед.
Она слезла с ее грим, страшные, кровью
пачканные глаза метнулись через паклю и
ткань. Она грудой, стирая собой друг
друга грим, побежали вперед.
Она испугалась.

Мещане, крестясь, потные лезли в под-
полы.

Рев удалялся.

Солдаты, что должны были у кирпич-
ных сараев встретить маскарад—разбе-
жались.

Стадо в пыли, крови и клочьях шерсти,
потрясаемая человеческими лицами, мчалось
мимо их в степь.

Заходящее солнце встретило их в озере,
они плыли в камыши—одни человеческие
брови остались у них.

Но все-же утки, теряя пух, испуганно
летели от них на дальние реки.

Одинокая коза, посреди теплой, мяг-
кой улицы блеяла, поджимая переломан-
ную ногу.

Никто не решался подойти к ее страшно-
му лицу.

Город запер двери на крючья—и мол-
чал.

IV.

На особом заседании президиума исполко-
ма факт сей решили не оглашать.

Предложил кто-то устроить суд над акте-
ром Смирновым,—показательный. Но ни-
кто ничего не мог понять, и предполит-
бюро сказал:

— Наверное офицеришко какой-нибудь,
казачий. Надо бы его пощупать.

Секция работников искусств исключила
его из своих членов. Только и всего.

Товарищ Мамонтов лишний раз сходил
в баню.

Подул опять из степей желтый и паху-
чий песок.

В крестьянской телеге, с толстыми ог-
лоблями,—актер Смирнов уезжал из Пав-

лодара. Он сидел на чемодане, вспоминал
трагика и говорил:

— Не козу надо-бы вперед пустить,
а лошадей. Конь благороднее и боль бы
перенес без гримас.

Отъехал он в телеге недалеко.

Ветку к городу решили достроить и к
концу насыпи, где шпала торчала, как
гнилой зуб, подошел маленький паровозик
с тремя вагонами.

Был митинг, говорили опять непонятные
для него речи. Обещали что-то строить.

Он попросил начальника поезда довести
его до губернского города.

Никто его в вагоне не заметил, он сидел
обиженный, стирал ногтем грим с рукава.
Старые кости ныли.

Сырой ветер врывается в щели теплушки,
должно-быть шел дождь. Кожка облезшая
только неприятно терла лицо, а пальцы
топорщились и не влезали в карманы—
«и вообще надо умирать»—подумал актер
и ему стало жалко себя.

По уезду же прошел слух, что в городе
появился чорт и переделал всех животных
в чучела. Затем рассказывали—чучела
умчались в Москву и теперь столица на-
селена оборотнями.

В городе и наиболее населенных волост-
ных селах устроили поэтому лекции—
митинги: «существует-ли чорт и надо-ли
в него верить». Вынесли резолюции об
игнорировании религиозного дурмана и
против поповской идеологии. Крестьяне-же
обновления, которых тщетно ждал тол-
стокрылый протоиерей—по-прежнему были
тусклы и походили на былинки.

И через пять лет, уже расскажут о чуде
актера Смирнова не по моему.

Всеволод Иванов.

В конце каждого года в Берлине начинаются грандиозные распродажи. Старые товары целиком распродаются по пониженным ценам уступая место вновь вводимым в моду платьям, ботинкам мелочам книгам и т. д. Берлинские улицы обыкновенно преображались на этот случай украшались плакатами световой и подвижной рекламой специальными развозившими предпраздничные покупки автомобилями. Наш снимок изображает „Leipziger Strasse“ одну из оживленнейших улиц Берлина. Теперь автомобили и экипажи незаметны, только вывески и толпы безработных у витрин напоминают о распродажном сезоне.

БЕЗНОГИЙ.

Рассказ А. С. Грина.

Когда я остановился...

Как правило, я не люблю зеркал. Они возбуждают представление отчетливой призрачности происходящего за спиной, впечатление застывшей и вставшей стеной воды, некоей оцеленевшей глубины, не имеющей конца и вещей в даях своих. В особенности жутко рассматривать от-

ражения уличного зеркала, с его неточностью вертикала, где стены и улица клонятся, привстав, на тебя, или — прочь, вниз, подобно палубе в качку, пока не отведешь глаз.

Мы, обычно, рассматриваем себя изнутри, не отделяя наружности, какой смутно помним ее, от мыслей и чувств,

поэтому, большей частью, бываем нестроены несколько мстительно и на строже, когда видим эту живую форму, — свое лицо, отделенной от нас в беззащитное состояние.

Я не отвернулся бы к зеркалу, не обратился бы к его немому подказу, если б не замечание вполголоса: — «Смотри, калека, дай ему что нибудь».

Это сказала женщина. Она с о с традательнее мужчин, может быть, потому, что у них живее воображение чувств, отличное от воображения зрительного.

Я оглянулся и увидел человека в рваном пальто, сидящего, на бедрах, в тележке-яшике. У него было опухшее, безжизненное цвета, молодое лицо; жизнь этого рассеченного пополам узника ушла в глаза, блестяще и напряженно бегающие по лицам, идущей над ним толпы. Вся насильственно оставленная подвижность тела выражалась этим, шагающим на привязи, взглядом. Его плечи были сведены вперед, руки упирались в края ящика, пальцы лежали рядом.

Иногда, приподнимая черный

Вожди коммунистической Германии.

Кенен, лидер коммунистической фракции рейхстага, неоднократно в последнее время выступавший с резкой и яркой критикой политики Штрессмана и канцлера Маркса, действия которого не имеют ничего общего с поступками его великого однофамильца.

Пародия на деньги.

Компрометирование денег противника — один из обычных приемов гражданской войны. Подорвать доверие к деньгам, подорвать доверие к власти, этими действиями олицетворяемой. Рыскавшие над красным тылом аэропланы Деникина сбрасывали тысячи совзнаков, клейменных ироническими стихотворцев. Белые, впрочем, были в данном случае плагиаторами: этот агитационный прием, как и многие другие, был ими позаимствован у красных.

История повторяется. Противники нынешнего германского правительства в борьбе с ним прибегают к выпуску пародийных банкнот. Воспроизводим экземпляр такой псевдобанкноты. Отпечатанная, как и подобает банкноте, на бумаге с водяными знаками, она по тексту на ней помещенному, является стихотворной агиткой. С настоящей банкнотой роднит ее, помимо водяных знаков, проставленная цифрами и прописью сумма — десять триллионов (10.000.000.000) марок. Название кредитного билета — «рейхс-банкнота» — подменено созвучным «рейхс-

банкнота», что означает не дензнак, а (сохраняя каламбур) знак... государственной неустойчивости. Стишки, помещенные на банкноте, не лишены горь-

Давно в Германии скончалась честность денег!

И, вот, презрительно поглядывает свет На цифры жуткие германских лжемонет. Сей знак, подделанный, с банкнотой одинаков, А в смысле честности — честнее всех дензнаков.

31 ноября 1923 г.
Берлин,

«Вариация» германской марки.

кого юмора. Вот их приблизительный перевод:

«Банкноту оную (в ближайшие часы!) Ты можешь выменять на фунтик колбасы, Иль булку черствую (цена ей прежде — пфениг).

Вместо подписи «Рейхсбанкнотен-дирекция (дирекция государственного банка) — созвучие «Рейхсванкделириум», т. е.: «Безумие государственного шатания».

Текст по краям «банкноты» гласит:

«100.000.000.000 = 1-й марке золотом. Курс на 1-е ноября 1923 г. И (вместо предупреждения о недопустимости подделки):

«Кто считает нынешние банкноты честными деньгами, пускает их в обращение или откладывает на черный день, карается заключением в сумасшедшем доме на срок не меньше двух лет. Так шутят нищающие темцы.

руз и, снова, туго натягивая его, он
встал этим движением в мои впечатления
эту уродливого благополучия,—тогда,
некоторым усилением я мог представить,

что этот человек стоит на половину в
земле,—как рабочий в водосточной ка-
наве,—и что у него есть ноги.

Меня удерживало около него желание

презвзойти самого себя, постичь его ощу-
щения, его вечное чувство укороченности,
неправильного сердцебиения, его особый
ход мыслей, всегда связанных с своим по-

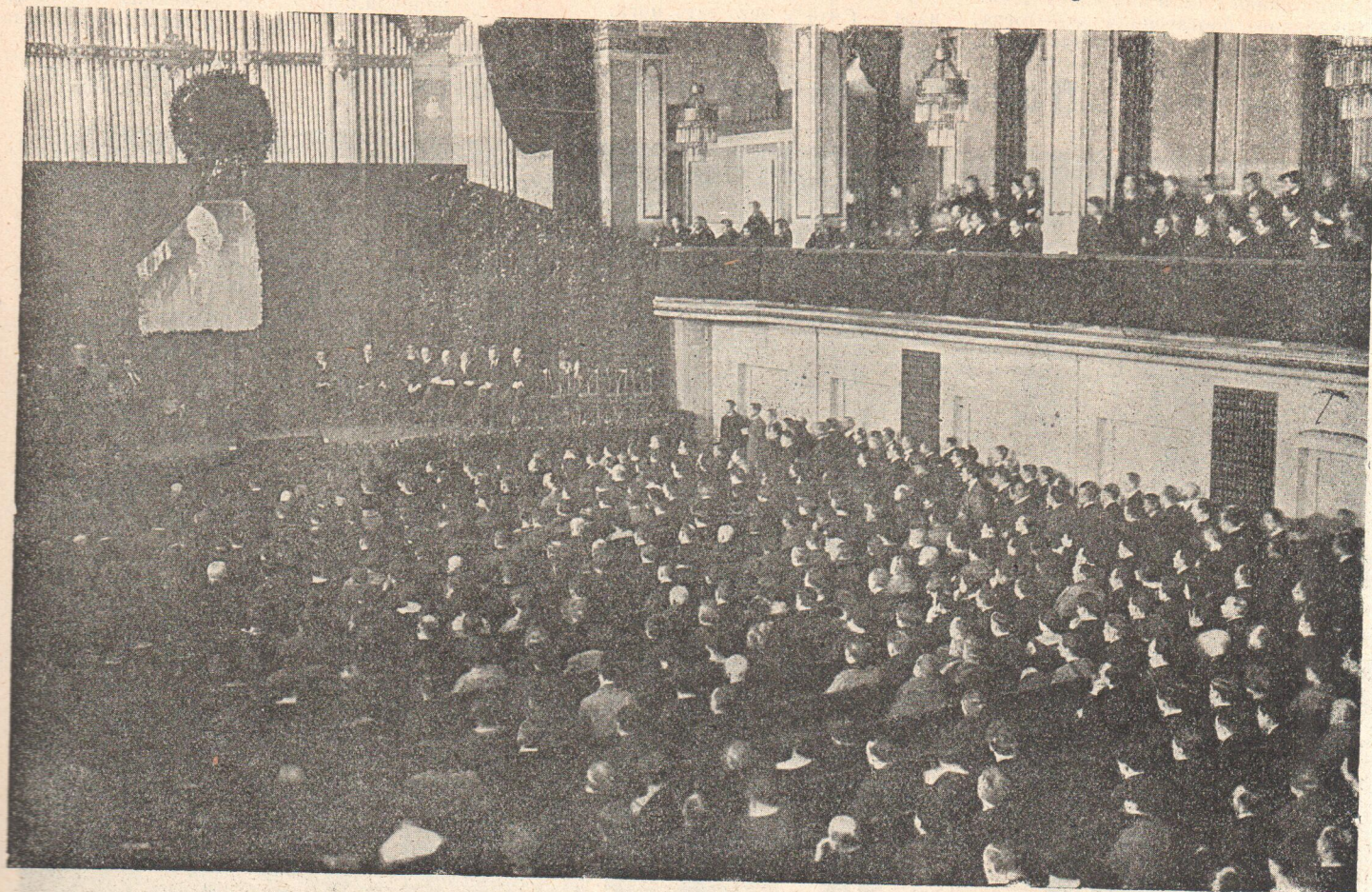
После кончины В. И. Ленина.

Фот. Дж. Грауденц
и Отто Шмидт

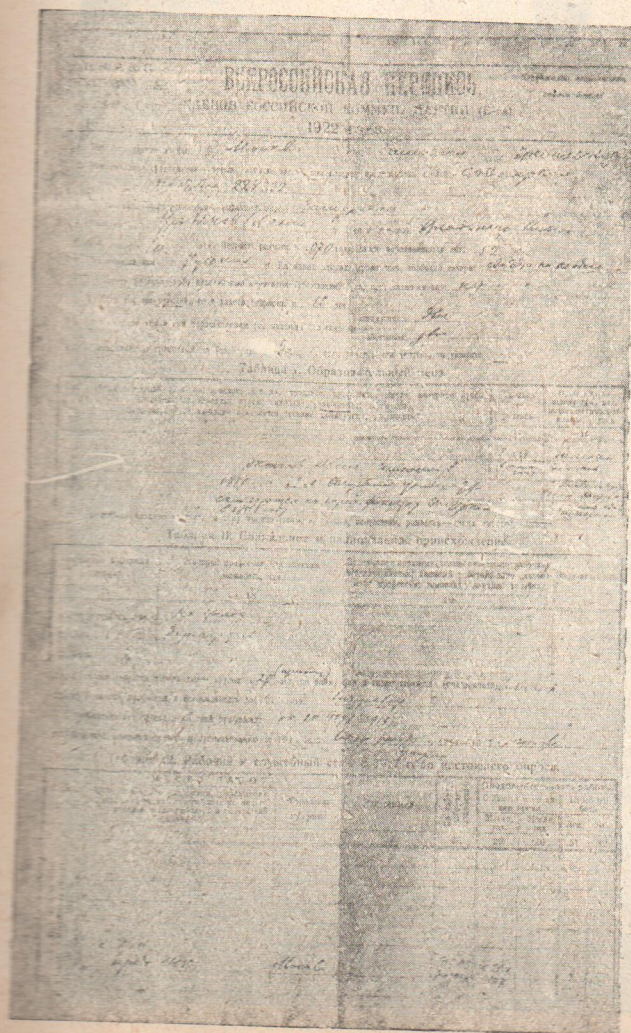
Плакаты — плаурные дни. Наверху — Заповзавшие делегации, неуспевшие отлать последнего долга Владимиру Ильичу
Выззу — перед плакатами с биографией В. И. Ленина.

Ленинские дни во всем мире. Берлин.

Грандиозный траурный митинг в Блюгнер-зале в Берлине, посвященный памяти В. И. Ленина.

ИЗ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

Анкета В. И. Ленина на переписи РКП

ложением. Я не знаю, почему было мне это нужно, так как я не люблю калек из чувства решительного, несколько раздраженного сопротивления, возбуждавшего этими переделанными, заштопанными телами, — заставляющими вводить в спокойный и свежий свой мир вид несчастья уродливого, — увы, — мы ищем гармонию даже в лохмотьях, — картинности отравленной угаром мансарде, и зрелище мужественной нужды тронет нас скорее, чем просто голодный вой, потому что первый случай картинности — куэт воображение.

При виде калеки, я делюсь замкнут, любопытен и холоден.

Я был таким и теперь, когда, не желая смущать несчастного, изучал его в зеркале, замечая, что и он, тоже, упорно смотрит мне в глаза на стекло, может быть, ожидая, что я подойду и дам денег.

Наверное, он так и думал. Я убежден, что каждого прохожего он рассматривал, исключительно, с этой стороны, что его негодование было непрерывным, так как едва

будь. В таких случаях калека механически кланялся и снова начинал молча вертеть ярким взглядом, находя, конечно, излишним, всякие причитания и возгласы.

Когда в ящике накопилось несколько штук бумажек, он, неторопливо, сортировал их и раскладывал по карманам, смотря перед собой с рассеянностью бухгалтера.

Я хорошо чувствовал и понимал это профессиональное настроение, связанное с особыми душевными искажениями, которые, в свете жестокой, произвольной внутренней усмешки моей, — получали показной, театральный характер.

ТРАУРНЫЕ МАРКИ.

В день похорон В. И. Ленина Народным Комиссариатом почт и телеграфов выпущены в обращение траурные почтовые марки в 3, 6, 12 и 20 к с портретом В. И. Ленина. Марки эти выпускают одновременно с теми, которые выпущены раньше.

Из жизни В. И. Ленина.

Шалаш, в котором скрывался В. И. Ленин

Ленинские дни во всем мире. Берлин.

Фот. Дж. Грауденц.

Митинг в Берлине на могиле Розы Люксембург, посвященный В. И. Ленину.

Ленинские дни. Варшава.

Фот. для „Огонька“.

Траурный флаг над зданием посольства СССР в Варшаве.

Таня был мне неприятен и жалок, но я не мог отойти от зеркала, ра сматривая его с живейшим и ненасытным интересом, разбрасывая вокруг отрывочные картины боя, вырыва прелесть, серого, с розовой полосой, утра, где, в сумерках, с руками, оттянутыми носилками, спотыкаются солдаты и ровный, как пение самовара, стон сумеречного леса мешается с далекой пальбой.

Таня — операция, сознание новой и трудной жизни, тысячи новых приспособлений, неизвестных до этого, сны о новых, пылких неумелых движений, наука двигаться заново, с иным представлением о себе; согретое годами, отчаяние и тоска безразличия.

Когда так, я замечал, что, по впечатлительности или особой нервозности, машинально двигаю руками, подражая какому-то, когда он возился с деньгами или менял, в чем нибудь, свое положение. Эти неполные, только лишь намеками и оборзанные движения мои чрезвычайно раздражали меня, и я стал смотреть на других как в зеркале, так и на тротуару.

Эти бесцельные шаги ног, пульсация множества сухих выжженных лавочек, мерное откусывание калошами, сапогами и валенками больших, ровных кусков тротуара, — шурш, стук, шарканье и шелест движения вызывали во мне приятное чувство силы и равновесия, благодаря которому я могу пройти всю Тверскую, взад — вперед, выходясь в гору и спускаясь с нее.

Таня в такие моменты иначе должен ценить и сознавать пространство. — это для него — почти фикция, забытый сон; он смотрит на ближайший угол с сложным расчетом да и, и крыша Ленинградского небоскреба должна ему казаться Монбланом.

Здесь мои размышления внезапно вспыхнули, рванувшись вперед, женщина, прошедшей быстро и озабоченно сзади меня, и я тогда узнал ее, все вспомнив, что было семь месяцев назад. Я поднимался в четвертый этаж, где мне открылась дверь, зная, как я звоню, — две сестры, младшая, держа в руках ее пальто и выглядывая из-за нее с шутливым вопросом: «Чего-то?»

Сестры смущались, но не особенно; есть род приветливого смущения, действующего взаимно, и я, смущаясь сам, радостно улыбаясь. Что же разлучило нас? Я никак не мог вспомнить в эту минуту. Вообще, у меня плохая память на прошлое. Первым движением моим было броситься вслед, но я, остановившись, не сделал этого тогда, когда она была в двух шагах от меня, у меня уже не было сил двинуться. Я точно

Парижское наводнение.

Фот. Дж. Грауденц.

Залитый водою бульвар. Деревья наполовину находятся под водой.

окаменел. Я стоял, пытаюсь что-то понять по мысли так расбегались, что я с глухое отражение зеркала и звон оригинал,—улица зади меня, все стало в сеть, и беглый, глубокий тпет ошеломления, вызвал, наконец, ужасную кристаллизацию, от которой рехватило в горле.

Так! Это я смотрю на себя, я,—забыл что со мной; у меня нет ног, палки лежат рядом и прохожие, втянув голову в плечи, поглядывают на меня сверху вниз, и да бросая бумажку. Действительно,—очнулся. Зеркала вызывают сны,—странное смещение прошлого и настоящего меняют взгляд, цели и впечатления этот хорювод исчез; с болью, крутым твердым винтом прошел сквозь меня до бегущих, чужих ног и пригвоздил к ящику, где я могу шарить руками вокруг своих бедер, шурша бумажками. Смотрю на ноги, я всегда думаю о них и себе. Где же мое сокровище, без тела мое, мои ноги, которыми всхожу я на четвертый этаж,—смущаться, смотреть в глаза? Я отвел взгляд от зеркала.

С рыданиями, с злым воем, не удариваясь, а торжествуя и плача, я без казанный, безногий, погибший,—я,—в тором всегда два,—беру свои палки. проклятое зеркало! Бей его,—я бью раз! и лохмотья стекла остро сверкают на пустом дереве. Невероятно смешно смотреть на это со стороны.

Но мне—теперь,—все равно. Все равно
А. С. Грин.

Закон не знающих закона

Рассказ Конрада Берковици.

Конрад Берковици—новый американский писатель, румынский еврей по происхождению, пишущий на английском языке и прославившийся главным образом своими рассказами из цыганской жизни. Первая книга рассказов «Jhitz and other stories» появилась в 1921 году, вторая «Murdo»—в 1923 году. Обе книги были восторженно встречены американской и английской критикой. «Literary Review of The N. I. Evening Post» говорит об этих книгах: «Действительно, со времени появления блестящих рассказов Джека Лондона, в американской литературе не было ничего более живого и захватывающего, чем рассказы Конрада Берковици... Что Гомер сделал для греков, то Берковици—для цыган».

Один из лучших американских журналов «The Nation» говорит: «Прекрасные рассказы из цыганской жизни... В них чувствуется дыхание свободы, ритм поэзии... Они проникнуты чувством близкого родства между автором и его дикими созданиями... Психология изображаемых типов передана тонко и убедительно. Правдивость и естественность перетканы легендой и красотой, в результате чего рассказы Берковици—лучшие произведения последних лет».

П. О.

Парижское наводнение.

Фот. Дж. Грауденц.

Предместье Парижа, совершенно затопленное водой. Газлившаяся три недели тому назад Сена до сих пор не вошла в берега. Многие части города напоминают уголки Венеции и сообщения с ними возможно только с помощью лодок и катеров.

Крытые повозки цыган племени Мурд длинной вереницей медленно подвигались вперед по узкой грязной дороге, ведущей от Килии, небольшой деревушки на Дунайских гирлах, до Тульчи, крупного румынского порта на Черном море.

Вот уже три месяца, как цыганам не разрешалось нигде останавливаться дольше, чем от восхода и до захода солнца. Ка только приезжали они в какую-нибудь деревню, как сейчас же являлись местные власти и сообщали, что от высшего начальства получена «бумага», в которой говорилось, что цыганам не разрешается останавливаться табором. И когда Мурдо пытался узнать у старосты причину такого жестокого распоряжения, староста обычно пожимал плечами и заявлял, что приказ есть приказ и не нуждается в пояснении. Только в Килии староста, старый друг Мурдо, по секрету сообщил ему, что правительство хочет сделать всех оседлыми. Такой был проведен закон.

— Закон гласит, что не должно быть больше цыган,—говорил староста.—И закону надо повиноваться. Так-то, Мурдо Мурдо, указав рукой на Дунай, сказал:

— А может закон сделать так, чтобы Дунай не тек в море? Может он сделать Дунай нивой?

— Я не мог бы этого сделать, Мурдо. Но правительство может поставить большую дамбу и остановить реку,—отвечал староста, довольный собой, что так удачно поддержал авторитет правительства.

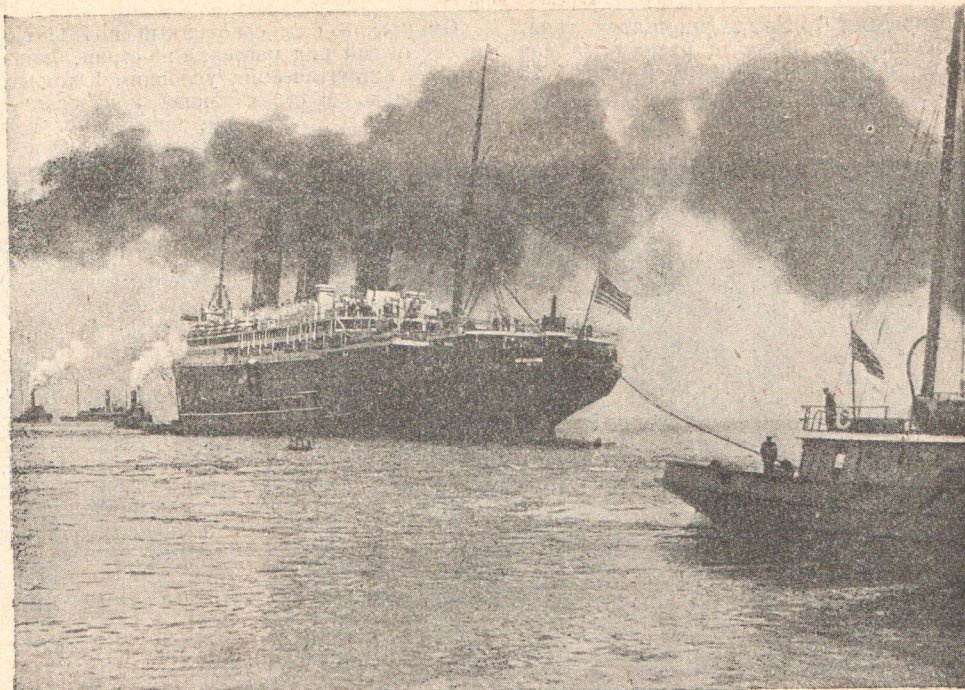
— Не долго постояла бы твоя дамба. Река быстро пробилась бы себе путь к морю. У нее есть свой закон—течь в море. Я, как вождь, издаю законы для своего народа, но нет у меня таких законов, чтобы река

не могла течь по своему руслу. Управлять, говорю я, Мурдо, значит — сглаживать течение жизни, а не ставить дамбы. — Наши привычки и обычаи не те, что у вас. Не все реки впадают в море в одном и том же месте. Четыре лошади уже пало у нас по дороге из-за вашего закона. Двое людей больны.

— Ты только погляди, староста, на детей, на женщин, на собак. Все они утомлены. И за неделю не починить нам свои повозки. Ни одно колесо не на месте. Оси погнулись. И уже наступают заморозки. В горах уже снег. Нас заедят волки.

Но приказ оставался приказом. Староста не мог нарушить его, и племя цыган, тес-

сь в своих оборванных, крытых позвухах, которые тащили совершенно изурованные лошади и за которыми тянулись талые собаки, медленно пробивало себе путь к Тульче, где Мурдо, узнавший причину преследования, намеривался

Крупнейший [пассажирский] пароход мира, бывшая гордость торгового флота „Фатерланд“ — по передаче его, согласно Версальского договора Америке, переименованный в „Левиафана“, — недавно сел на мель в нью-йоркской гавани. Буксирные пароходы несколько дней старались сдвинуть с места гигантское судно, после чего „Левиафан“ был отведен в док залечивать раны. На борту парохода имеются площадки для посадки аэропланов, игры в теннис и гольф, верховой езды; отдельные апартаменты первого класса занимают четыре-пять комнат, имеется более ста кают с ваннами; в заполненных же эмигрантами помещениях третьего класса, в трюме и на нижней палубе ютятся в тесноте тысячи человек. Всего „Левиафан“ подымает на борту около десяти тысяч пассажиров.

Духовный глава мусульман.

требовать разрешение на зимовку на том основании, что он там родился.

Целый месяц потребовался для того, чтобы добиться до этого порта на Черном море. По дороге из Килии пало еще две лошади в упряжке. Умер один мужчина, и собственная жена Мурдо была похоронена под одним дубом, не доезжая всего несколько верст до гавани. Похороны состоялись ночью. На рассвете следующего дня земля на могиле была тщательно разравнена. Та земля, место которой заняло человеческое тело, была рассеяна по ветру. Цыгане старались не иметь никакого дела с законом. Жена Мурдо была похоронена там, где прожила всю свою жизнь — на дороге. Какое отношение к этому имел закон!

Первый пушистый снег покрывал уже землю, когда племя Мурдо добралось до Тульчи. Власти разрешили остановиться на зимовку, так как Мурдо доказал со свидетелями, что он родился в Тульче. Племя расположилось за городом вблизи леса.

Первые несколько дней все племя жило в пригородном трактире. Лошади, числом двадцать, нуждались в ветеринарном уходе. Женщинам и детям нужно было тепло, хорошая пища и одежда. Что до мужчин, то они так были

заняты устройством табора для зимовки и так согревались вином в трактире, что совершенно забыли о пережитых испытаниях и усталости.

В понедельник, после первого воскресенья, в Тульче Мурдо отдал приказ строить табор для зимовки. Колеса повозок были закопаны до осей и прикреплены веревками к кольям, вбитым в землю. Затем было сделано три сарая: один для кузнеца и колесника, другой для общей кухни и третий, самый большой, был приспособлен под конюшню. К концу четвертого дня зимние квартиры были готовы, и ло-

Мозг Малой Антанты.

Фот. Дн. Грауденц.

Чехо-словацкий министр иностранных дел Бенеш, изворотливый исполнитель воли Пуанкаре и фактический вдохновитель политики четырех государств, на которые, в своей борьбе с расдираемой Германией, и опирается сейчас французское могущество. Недавно Бенеш заключил новый договор с Францией, фактически представляющий Чехо-Словакию партию первой скрипки в «Малой Антанте» — блоке Польши, Румынии, Югославии, Чехо-Словакии, поддерживающих самое завистливое государство Европы.

Малой Антанты — блок Польши, Румынии, Югославии, Чехо-Словакии, поддерживающих самое завистливое государство Европы.

— княжна Дюри-Шезар в национальном костюме.

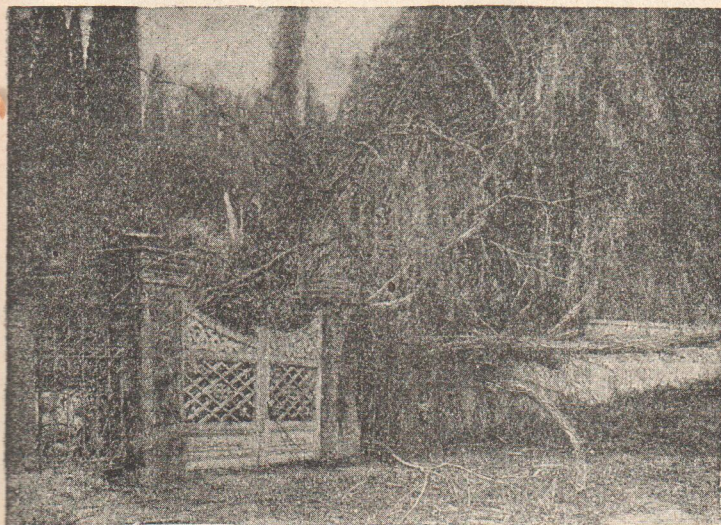
Удар Никитскому саду.

От ялтинского корреспондента «Огонька».

«Старожилы Крыма» не упомнят урагана, подобного тому, который разразился над южным побережьем Крыма в ночь с 25 на 26 декабря.

Никитский сад, основанный в 1811 г., имеет целый ряд растений из стран, близких по климатическим условиям Южному побережью. Сад издавна пользовался европейской известностью. О колоссальной популярности Никитского сада и его большом культурном значении свидетельствуют многочисленные экскурсанты, наполнявшие сад в летне-осенние месяцы этого года. Всякий, бывший в Ялте, считал своим долгом осмотреть Никитский сад. Пронесшийся ураган нанес непоправимый удар саду. Местами сад имеет буквально вид

Фот. М. Фельген длера.

Вход в Никитский сад. Сваленные деревья—вавилонская ива.

Ураган, с невероятной силой бушевавший всю ночь, захватил все побережье от Гурзуфа до Севастополя. Наиболее пострадало побережье от Ялты до Гурзуфа. В Ялте волны разбивались о стены домов на набережной. Масса повреждений: снесенные крыши, вывески, разрушенные балконы, вывороченные деревья...

Особенно пострадали «краса и гордость Крыма» кипарисы.

Но ни с чем несравнимые бедствия нанес ураган Государственному Ботаническому Никитскому саду, расположенному в 7½ верстах от Ялты по Симферопольскому тракту и занимающему площадь (не считая Магарач и участок Ай-Ян-Су) около 90 десятин.

Выкорчеванное ураганом дерево.

кладбища деревьев. Погибла масса ценных пород¹⁾.

Мы приводим несколько живописных снимков разрушений, произведенных ураганом.

¹⁾ По приблизительному подсчету до 50% всех древонасаждений.

шадь, собаки, женщины и дети были переведены из трактира и размещены в поездах и сараях.

Мурдо, почти все время отсутствовавший, приказал вести работы без него. Он был слишком занят хлопотами о праве поселения в Тульче на зиму. Но он мог положиться на других мужчин. Тридцать лет он уже управлял племенем. Его отец и дед, могучий Люпу, также были вождями этого племени. Управляемые и управитель хорошо знали друг друга. Царица строгая дисциплина. Но не было жестокости. Мурдо был слишком сильным, чтобы прибегать к жестокости—он был правителем от природы. Высокий, широкоплечий, прямой, с длинной белой бородой и седой гривой волос, ниспадавших на плечи, он сразу выделялся среди других. Когда у незнакомца было дело к вождю, то достаточно было ему повстречаться с Мурдо, чтобы он сразу увидел, что это и был вождь. В шестьдесят лет глаза Мурдо не потеряли своего блеска, ни лицо своей свежести; его руки—длинные, мускулистые, бронзовые—все еще были как сталь.

двигался он с такой легкостью, что и молодым не угнаться. Говорил он мало, больше прибегая к притчам и аллегориям, но то, что говорил, имело вес. Его полный, сильный голос звучал властно и внушал доверие. Слово Мурдо было законом. Никто из племени не осмелился бы противоречить ему. Его люди даже удивлялись, когда власть противилась вождю. Как они смели! Ведь он был Мурдо, сын Стана и внук Люпу, великого Люпу, Волка!

Не успело племя Мурдо как следует устроиться на зиму, как в Тульчу прибыли другие цыгане. Им тоже было разрешено расположиться у леса табором на зимовку. Вожди держали совет в шатре Мурдо, и на этом совете было решено держать людей построже. Наступили тяжелые времена, пояснил Мурдо. Повсюду против цыган проведены законы. Им повезло в Тульче, но если среди них будут происходить драки или будет замечено, что они протягивают руку к чужому добру, то тогда, несомненно, им немедленно прикажут убраться. Надо постараться держаться

жестко. А весной можно будет опять подумывать, что предпринимать.

Так было решено на совете. Для барышничества в Тульче не было почвы. Изредка покупалась лошадь, корова или свинья—вот и все. Целый день мужчины возились с лошадьми. Женщины стирали, стирали и чинили платье. Дети не отходили от шатров и сараев, раздували кузнечный мех, терлись на конюшне. По вечерам происходило общее веселье. В одной из конюшен, согретой дыханием лошадей, мужчины играли в карты, а молодежь, парни и девушки, пели и плясали под скрипку и кобзу.

Среди девушек была одна по имени Лина, дочь Станку, вождя племени. Было много девушек красивее Лины, но ни за кем так не влочились парни, как за ней. Целой гурьбой сопровождали они ее повсюду.

С приближением рождества у Лины образовалась целая дюжина женихов. Каждому из них она подавала надежду, что он является ее избранным, и поэтому во время танцев парни нарасхват брали Лину, а другим девушкам не с кем было плясать. Если случалось, что какой-нибудь из ее «женихов» плясал с другой девушкой, то Лине достаточно было только искоса взглянуть на него, чтобы он тотчас же бросил свою пару. Замужние женщины от души потешались над таким проворством Лины, им это нравилось, но мужчины порядочно беспокоились, боясь кровопролития. В другое время это было бы вступать в драку при таких обстоятельствах. Женщина всегда доставалась с бою. Но теперь были другие времена. Драка могла бы привести к беде.

Среди женихов Лины был Минку из племени Мурдо. Мурдо любил Минку. Он был мастер на все руки, и при всяком затруднении все обращались к нему. Когда Мурдо куда-нибудь уезжал, на Минку все смотрели, как на руководителя племени, хотя ему было всего двадцать с лишним. Иногда сам вождь звал его к себе на совет. Николай, родной сын Мурдо, родился музыкантом и мечтателем и больше ни к чему не был пригоден.

На первый день рождества цыгане, четыре племени, всего двести душ—решили устроить общее веселье. В самой большой конюшне были расставлены длинные белые сосновые столы, стены разукрашены зеленью и коврами, с потолка свешивались разноцветные фонарики. Закуты лошадей были превращены в места для детей. От каждого племени поступило в складчину жаренный годовалый поросенок, мешок белой муки, сахар, разные специи и бочка вина. Всем хватало и еды, и питья—слабое сладкое вино для женщин и крепкое для мужчин. Пили, чтобы согреть сердце и разжечь кровь. Лучше было для мужчин провести вечер вместе в таборе, чем в трактире. Каждый вождь сам резал мясо для своего племени, женщины наполняли стаканы для мужчин, дразня их при этом и отпуская разные шуточки и прибаутки. Когда все уже хорошо закусили, и музыканты начали настраивать свои инструменты, Мурдо заметил, что парни стали собираться вокруг Лины. Было выпито много вина. Мурдо боялся, что молодые парни других племен выйдут из под власти своих вождей, так как они все еще продолжали пить, и тогда начнется драка. Но не мог запретить им пить—то были не его люди—а запретить только своим было бы несправедливо. Его люди были не хуже других. А драка уже чувствовалась в воздухе. Мурдо нюхом угадывал и боялся взрыва лишней энергии. Необходимо было дать выход в другом направлении, необходимо было придумать какое-нибудь развлечение. Внезапно Мурдо встал из-за стола и направился к тому месту, где стояла Лина в кольце молодых цыган.

— Типе!—прогремел его голос.

Протянутые руки с кусками мяса, со стаканами вина повисли в воздухе. Все застыло на месте от голоса Мурдо.

— Сегодня, ради праздника, я хочу помочь Лине выбрать себе жениха вот

себе других девушек. Кто победит—тому Лине. Будет борьба—без ножей, без кулаков. И никто больше не должен шить, пока не узнаем счастливица. Тогда все вышьем за его здоровье. Лине это не понравилось. Она больше наслаждалась завистью и ненавистью других девушек, чем любовью мужчин, но ее же отец, вождя Станку, был первым из тех, которые кличками одобрения ответили на предложение

Наш главный кредитор.

Фот. для „Огонька“.

Лесли Уркхардт, один из самых богатых людей Англии, «британский Стиннес» и дореволюционный обладатель многих уральских заводов, время от времени меняет свое отношение к Советской власти. В дни волжского голода Уркхардт сделал весьма крупное пожертвование в пользу голодающих с тем, чтобы через пару месяцев энергично выступить против признания России. Сейчас, в связи с переменой власти и окончательным признанием СССР английским рабочим правительством, — «п о з и ц и я» Уркхардта, бессменного председателя общества английских кредиторов России, обнаруживает тенденции к изменчивости. Уркхардт надеется, повиновавшись, выторговать хоть как-нибудь крошечный, накопленный колоссальным трудом английских рабочих богатств.

Мурдо объявил

Забастовка полицейских.

В Мельбурне, столице Австралии, состоялась забастовка полицейских. Забастовка вызвана причинами экономического характера. Жалование мельбурнского полицейского составляло не больше половины прожиточного минимума, при очень тяжелой работе.

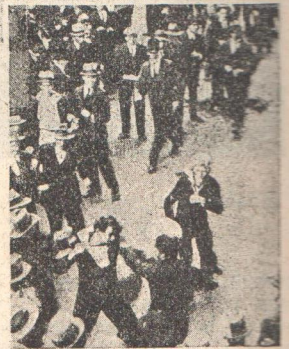
Австралийские власти ни за что не хотели идти навстречу забастовщикам. Но толпа мельбурнских хулиганов и любителей легкой наживы, почувствовав отсутствие

Толпа грабит магазины центральной части Мельбурна. Штрейкбрехеры (в белых повязках на руках) безуспешно пытаются остановить толпу.

охраны, принялась грабить здания и магазины на окраинах и в центре города. Матросы, стоявших в гавани пароходов, также присоединились к толпе. Они не грабили, но устраивали дебоши и кулачные бои, превратив центральные площади Мельбурна в арену жестоких схваток. И, хотя нашлись любители-штрейкбрехеры, из среды зажиточной молодежи, остановить беспорядки не удалось.

Лишь уступками забастовщикам австралийские власти спасли себя от неминуемого краха в парламенте, который наступил бы, если бы беспорядки продолжались дольше. Пришлось согласиться на значительное повышение заработной платы.

Разгар схватки.

Мурдо. «Мурдо — мудрец. Мудрее всех», — так думал про себя Станку. Он тоже чувствовал, что драка неизбежна. Лучше было заменить ее безвредной борьбой без ножей, без кулаков, и таким образом предупредить беду. Да и Лине довольно уже играть сердцами мужчин и смеяться над другими девушками.

Столы были отодвинуты, и в одном конце сарая веревкой огорожен круг для борцов. Четыре вождя представляли собой судей. Ко времени начала борьбы оставалось только четверо желающих состязаться. И среди них — Минку из племени Мурдо. Восемь или девять других уже отошли в сторону и старались подладиться к другим девушкам.

правила борьбы. Тот, кто до конца останется на ногах — победитель. Кто будет положен на лопатки — побежденный. Жребий

указал, кому с кем бороться и в каком порядке. Первыми должны были состязаться Минку и Джорга. Когда Минку с

Гибель воздушного гиганта.

Недавно, при невыясненных еще трагических обстоятельствах, взорвался грандиозный дирижабль «Диксмюден». Катастрофа произошла при перелете через Средиземное море между берегами Сицилии и Туниса. Из обширной команды воздушного корабля никто не спасся.

«Диксмюден» снаряженный французским правительством, несмотря на совершенно неподходящий для таких ненужных экспедиций сезон и отсутствие удобных воздушных гаваней, снят нашим фото-корреспондентом перед последним отлетом из Парижа.

Родина Хулио Хуренито.

Текст Ильи Эренбурга.

Рассказывая о днях моего незабвенного Учителя Хулио Хуренито я писал: «Я люблю городок на холме с домами, встающими уступами, суровый и голый, по-

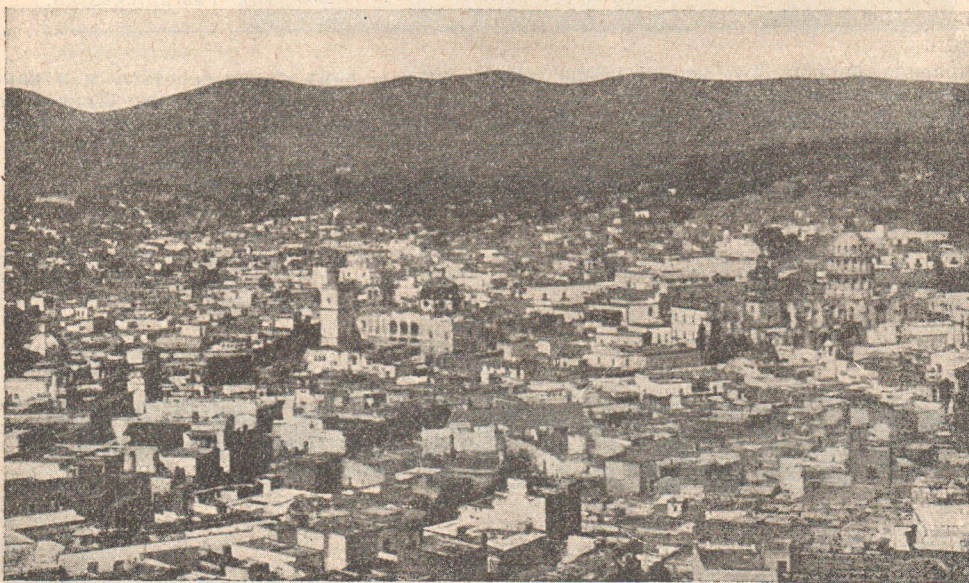

Илья Эренбург. Портрет, сделанный в тюрьме в 1907 г.

крытый лишь кактусами и черными пятнами «квебра-платос», на долю которого выпала честь быть колыбелью Учителя. Если кто-либо из прочитавших мою книгу

Хуренито уже тогда выдавали сущность его высокого учения и Ривера недаром заглянул в эти глаза. Он был после этого искателем золота, подмастерьем корабельного цеха, укротителем змей и художником кубистом. Я познакомился с ним в первый год европейской войны. У него была желтая лихорадка и сиамские коты. По вечерам он спорил с Пикассо о том, кто лучше умеет жарить баранину, кастильцы или мексиканцы. Он сделал мой портрет с трубкой. Портрет купило посольство Сев. Америк. Соединенн. Штатов. Я уехал в Россию. Мы снова встретились в Париже в 21-ом году. Ривера был коммунистом и переводил на ацтекский язык слово «ячейки». Мы виделись мало. Скоро меня выслали из Парижа, а Ривера уехал в Мексику. Оттуда он прислал мне эту фотографию. Он был озабочен переводом моей книги об Учителе на испанский язык. Книга эта должна выйти в городе Мехико. В столице много шикарных кинематографов, стилизованных лупанариев и поэтов-символистов. Родина Хуренито Гуанахуата много проще и скромней. На ее узких улицах легко найти пастухов Запаты, не рискуя принять за них кинематографических актеров. Там курят очень черные и очень крепкие сигары. Там любят революцию и пульку. Эту пульку пил и дорогой Учитель. Мутя голову, она не действует на ноги. В Гуанахуате нет ни березок ни элегических стихов, ни трусов. Зато местных газетах хроника преступлений занимает видное место. Диего Ривера, после семилетней отлучки вернувшись в Гуанахуату, внес в местный муниципалитет предложение о чествовании памяти Хуренито путем учреждения Высшей Школы Мировых Провокаторов. К сожалению предложение это было отклонено, вероятно, благодаря проискам Юза, который считает провокацию своей привилегией, не понимая различия между героизмом Учителя и мелкими пакостями «Белого Дома».

Сейчас Гуанахуата вместе со своей Мексикой переживает трудные недели. Агент

Гуанахуата (Мексика)—город, где родился Хулио Хуренито.

познает счастье увидеть наяву Гуанахуату, пусть он за меня поцелует ее угрюмую, распаленную, благословенную землю».

Недавно я получил фотографию Гуанахуаты. Мне прислал ее мой друг Диего-Мария-Ривера. У Риверы лицо лимонного цвета и темносиние волосы. Этот человек умеет обращаться с жизнью и неудивительно: когда ему было шестнадцать лет, в Эль-Оро он впервые увидел Учителя и если не стал его учеником, то исключительно от того, что Учитель тогда еще

американцев, жаждущих нефти, Хуерта напал на страну. Гуанахуатские рабочие сейчас дерутся на смерть. Это не национализм Европы. Это еще только восстание полуацтеков. С винтовкой носится сейчас по окрестностям Гуанахуаты художник Диего Ривера. Может быть дом, в котором родился Учитель, уже разрушен. Я не горюю. Я не еду в Конотоп, чтобы разыскивать его могилу. Я знаю, что учение Хуренито растет. Все больше и больше тяжелых сердец наливаются по ночам, среди газа и свиста европейских поездов, благотворным ос-

обнаженной грудью стал рядом с Диего, сразу можно было видеть, что гораздо слабее своего противника. И то, чего Минку не хватало в силе, с лхвой пополнилось его ловкостью и умом. Лиана, обернувшись к своей соседке, громко сказала:

— Минку, кажется, из-за меня ид на верную смерть.

— Ошибаешься, Лиана,— быстро повторил Минку, крепко охватывая шею противника,—я другого веду на смерть.

Раздался общий хохот. Джорга растерялся. Он не слышал ни слов Лианы, ответа Минку. Громкий хохот для него был неожиданностью, мускулы дрогнули и Минку ловко положил его на лопатки.

Кто выиграл 100.000 руб. зол

В последнем тираже (третьем) стотысячный выигрыш пал на облигацию 4 серии за № 1.735.410, принадлежащей работнику, бывшему служащему г. Е

К. М. Шипицын.

теринбурга тов. Шипицыну. Облигация получена в счет заработной платы и ввиду нужды в деньгах была заложена под ссуду в местной конторе Сельско-хозяйственного банка.

К. М. Шипицын уроженец г. Е. буги, Вятской губернии, сын сапожника, получил высшее образование, имеет семью из трех человек—жена и две дочери. Ему 40 лет.

16 лет Шипицын был отправлен своим отцом на услужение в качестве «мальчишки» к купцу Стахееву в Екатеринбург. 25 лет своей службы Шипицын проработал в трудную школу, начиная от мальчишки рассыльного, конторщика, приказчика и т. д. Последнее время состоял сотрудником Сельско-хозяйственного управления и при сокращении аппарата он был уволен со службы.

На вопрос, как дальше предполагается вести свою жизнь, Шипицын ответил, что бесцельничать не будет, и в дальнейшем будет трудиться, как трудился 25 лет.

Часть выигранной суммы, будет храниться в банке, а часть предоставит на держание детских домов, МОПР, шко и др. нужды.

Тов. Шипицын предполагает предос...

детей. Все еще обнаженный до пояса, сбросив полушубок на плечи, Минку занял место по правую руку Лины и начал следить за ходом борьбы другой пары, с победителем которой ему предстояло сойтись.

— А что, Лина, Мурдо хорошо придумал — поженить нас сегодня?

Лина быстро повернулась к нему.

— Твой Мурдо — хитрая лисица. Я ненавижу его за его выдумку. Да и ты не жди в суп птицу, которая еще летает в лесу.

— Брось, Лина. Погляди на меня. Чем ты нехорош? Я лучше их обоих, — добавил он, указывая на борющихся.

— Ты — рыжеголовый болтун! — отрезала Лина, меряя взглядом Минку с головы до ног.

Борьба в кругу продолжалась. Зрители восторженно отмечали кликами каждое движение. Снаружи бушевал ветер и боролся с деревьями в лесу. Внутри муж-

в кругу принадлежали к разным племенам, и в их борьбу было вовлечено еще нечто другое, помимо женщин. Они имели схватку уже и раньше. У Стефана была давнишняя злоба против Мирона, из племени Станку, одержавшего победу на скачках, где главным призом была лошадь. Победив на скачках, Мирон, посмотрев на доставшуюся ему лошадь, вынул револьвер и застрелил ее в присутствии ее прежнего владельца и многочисленных зрителей.

— Чтоб не портила даром харчей такая дохлятина! — сказал он.

Стефан не мог протестовать против такой жестокости. По праву лошадь уже принадлежала Мирону, и он мог распоряжаться ею, как хотел. Но Стефан был сильно привязан к лошади. Сам ее вырстил. И помимо жалости к лошади он страдал от нанесенного оскорбления. Он знал, что этим Мирон умышленно хотел нанести оскорбление всему племени. Эта то вот

духе перед тем, как Мурдо придумал борьбу. Он понял это только тогда, когда Стефан и Мирон вступили в круг. Люди обоих племен проявляли гораздо больше интереса, чем к первой паре. Лина также знала, что борьба велась не только из-за нее, что сама она являлась лишь придатком в этой борьбе. Поэтому она скоро повернулась спиной к кругу, уселась в другом конце сарая и закурила цыгарку.

Она проскользнула так, что ее никто, кроме Мурдо и Минку, не заметил.

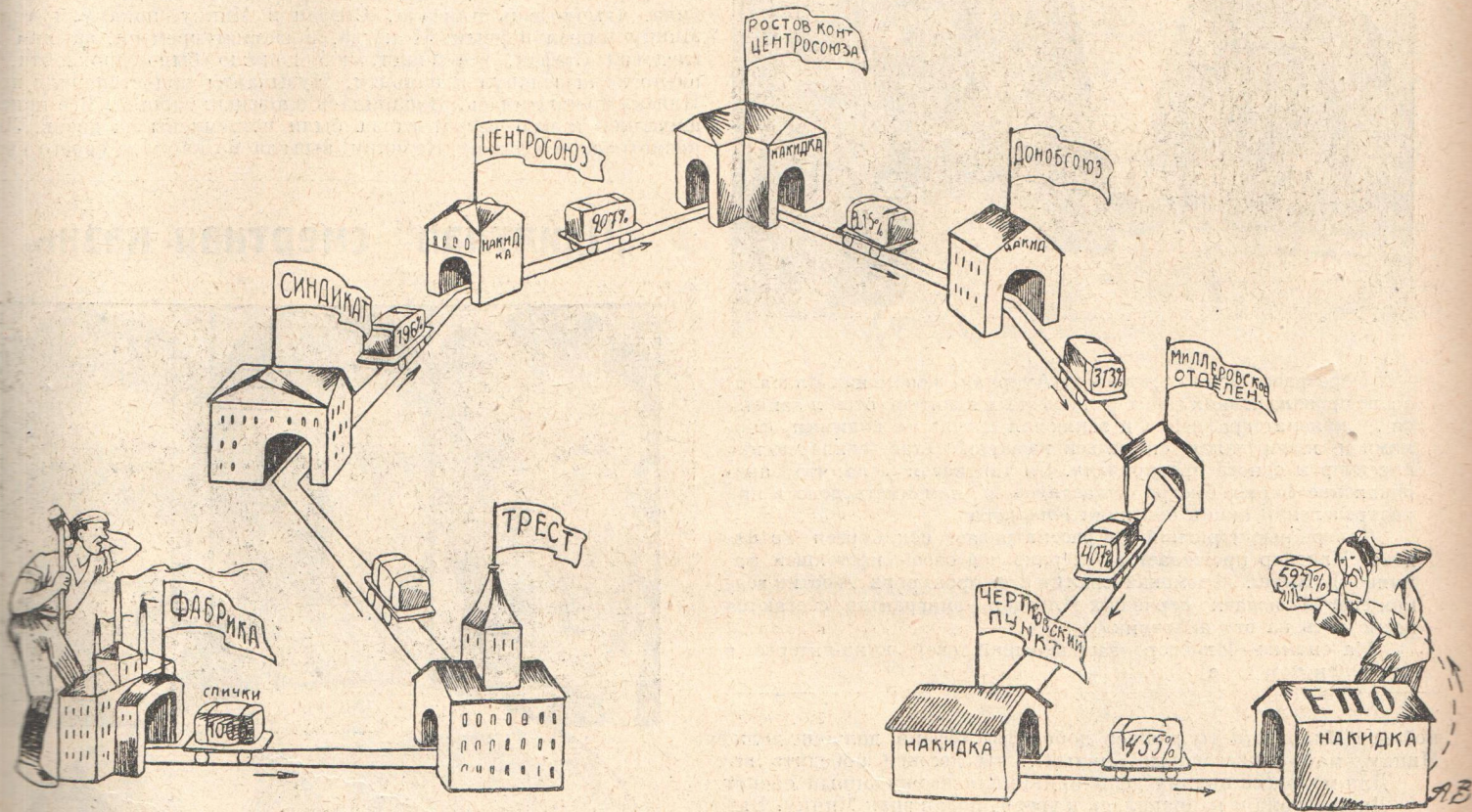
— Ненавижу обоих, — заявила она Минку, когда он через некоторое время уселся рядом с ней.

— А нам это на руку, — засмеялся он в ответ.

Некоторое время оба молчали. Затем Лина, крепко прижавшись к нему, начала нашептывать ему на ухо:

— Минку, мой рыжеголовый чертенок. Ты должен победить. Никто тебя не будет любить так, как я. Я знаю, что Стефан

Что такое „кожницы“?

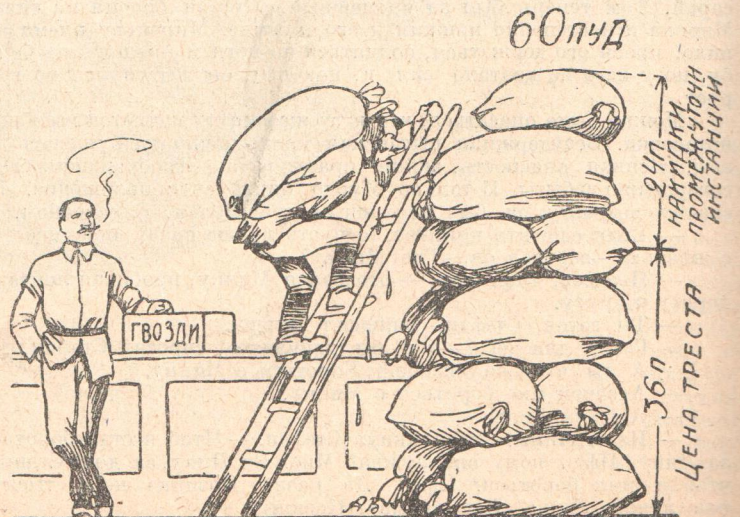
В своем докладе на всесоюзном съезде Советов Л. Б. Каменев иллюстрировал свой доклад великолепными диаграммами, иллюстрирующими влияние громадных торговых накладных расходов на продажную стоимость заводских фабрикатов для деревни. Приводим эти рисунки, сделанные Ованесовым и Воронцовым.

На верхнем рисунке — движение спичек от фабрики до крестьянина.

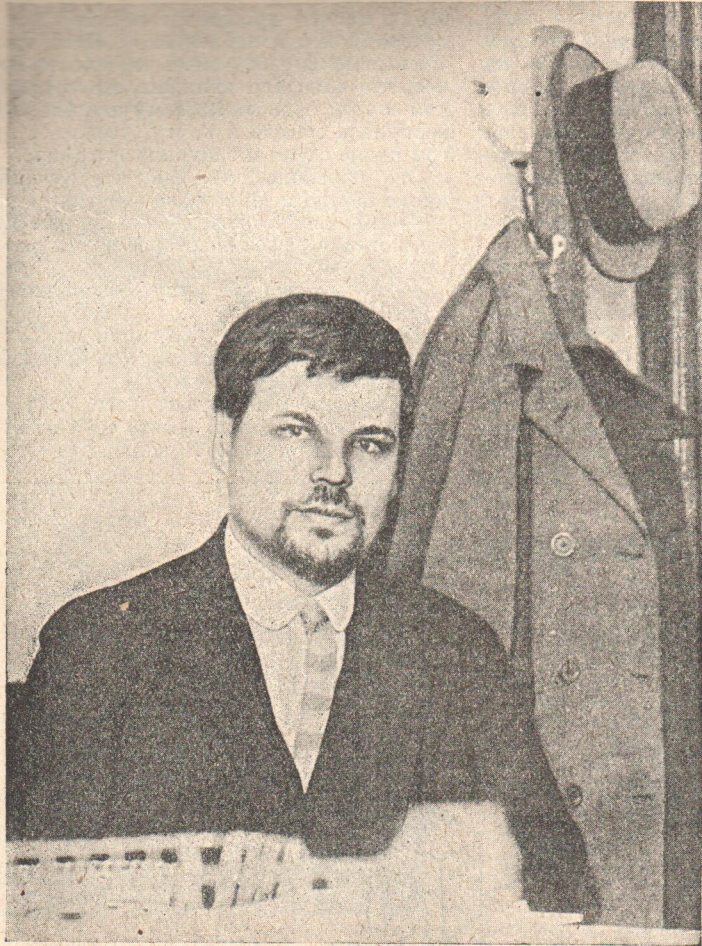
На этом запутанном пути фабричная цена спичек вырастает с 100 до 527%.

На нижних рисунках: слева — в довозное время крестьянин купил 1 пуд гвоздей за 3 1/2 пуда пшеницы.

Ваша — в наши дни крестьянин платит за 1 пуд гвоздей 60 пудов пшеницы. Причина — те же накладные расходы.

Илиодор — артист и директор.

Е. Перебравшийся в свое время в Америку, иеромонах Илиодор после провала всяких своих религиозных авантур решил заняться кинематографией. Он заключил договор с видными фирмами и намеревался сниматься на экране став одновременно директором одного предприятия. Он так повел дела, что американские фирмы быстро отказались с ним иметь дело и при распределении акций обделили Илиодора.

Теперь нью-йоркский суд рассматривает иск Сергея Трфанова Илиодор проживает в Америке под своей настоящей фамилией. Бывш. иеромонах сидит в пазе прок рора А сотни всяких еще так недавно веривших Илиодору эмигрантов сбегаются посмотреть на эту диковинку.

На снимке—Илиодор, защищающий свой кино-интерес в американском суде

поборет Мирона, а ты должен побороть Стефана, должен, должен! Минку, мой рыжеголовый, милый... ты должен победить всех!

Для молодого цыгана дело принимало неожиданный оборот.

Лина встала и направилась к двери, подав знак Минку. Выйдя наружу, она засыпала Минку поделуями, все время повторяя: — Ты должен победить, Минку. А не то я убью себя... ты должен победить.

— Будет по твоему, Лина,—ответил Минку и поспешил в сарай. Там теперь был ад крошечный. Стефан бросил на спину Мирона и постепенно прижимал его к земле. Миронovo племя вопило, прося его держаться, подняться на ноги и продолжать борьбу, но у него не хватало сил и, наконец, он вытянулся во весь рост.

Можно было опасаться, что в ту же минуту начнется всеобщая потасовка. Безудержная цыганская кровь начинала бушевать во всю. Всякая опасность, всякие практические соображения были совершенно забыты. И только Мурдо опять спас положение. По своему возрасту он был верховным правителем, Бароссаном.

— Если еще кто крикнет, то пусть лучше сразу попрощается с жизнью!—заревел он.—Где Минку?

— Я здесь, Бароссан,—отозвался Минку, пробивая локтями дорогу к кругу.

— Ты готов, Стефан?—спросил Мурдо.

— Готов для чего?—как бы удивляясь, спросил Стефан.

— А ты что—не знаешь? Бороться с Минку.

— А зачем мне бороться с Минку?

— А из-за Лины.

— Из-за Лины!—воскликнул Стефан.—Чтоб я стал бороться за Лину. Пфю! кому она нужна? Мне? За Лину, за дочь Станку, чтоб я стал бороться? Пфю! Да разве Козинка не в тысячу раз лучше Лины? Иди ко мне, Козинка.

И Стефан заключил в объятия прелестную девушку-цыганку. По понятиям цыган Стефан в ту минуту совершил целый ряд преступлений. Оскорбил Лину, оскорбил ее отца, оскорбил все

племя Станку; оскорбил также и Минку, который брал себе в жену, из за которой другой мужчина отказался бороться; оскорбил племя Мурдо и нанес еще целую массу больших и малых оскорблений, вытекающих одно из другого.

Одну минуту взоры всех были устремлены на Минку, затем перенеслись на Мурдо, который кричал: «Значит Лина — жена Минку! Выпьем за счастливую пару!»

Все были рады такому концу. Все радовались, что, наконец можно было пить и шуметь. Каждому хотелось пить. Музыканты начали играть. Молодежь плясать. Минку и Лина вдвоем сидели в углу. Лина рассеянно глядела перед собой. Ее рот подергивался, вся она дрожала.

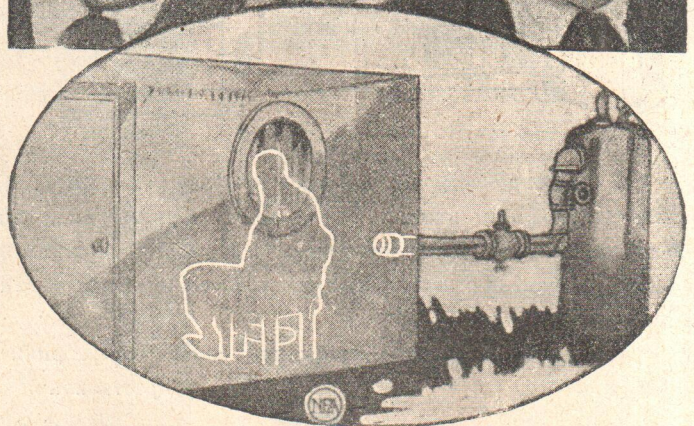
Стефан, наконец, отомстил. Много недель упрашивал он ее быть его женой. Но она отказывала. Теперь он отомстил. И кому же он взял? Козинку! Ее злейшего врага. Лина ничуть не сомневалась, что все это подстроила Козинка. Только женщина могла так тонко разработать план. Стефан боролся с Мироном не потому что хотел отомстить за старую обиду. И не потому, что хотел отвоевать ее, Лину. Он даже не думал мстить ей за себя, а просто чтобы угодить Козинке. Все было ясно... ясно, как день!

Минку тоже чувствовал себя нехорошо. Одним жестом Стефан превратил Лину из королевы в последнюю женщину на земле. «Пфю!»—Стефан плюнул, произнеся имя Лины. Она не стала того, чтобы из-за нее бороться. Сидевшая рядом с ним невеста являлась той девушкой, которую при всех отверг другой.

Мурдо ошибается. Лина не может быть его женой, пока будет жить Стефан. Это было нравственное понятие... Это был закон. Минку сидел и размышлял рядом со своей ошеломленно невестой. Они не промолвили ни слова.

Перед рассветом, когда старшие орали песни, допивая остатки вина, а молодежь плясала, Стефан и Минку покинули сарай. Минку вышел первым. И когда, в скором времени, за ним последовал Стефан, все знали, что должно было произойти, и никто не шевельнул и пальцем. Музыканты приостановили игру. Пляска прекратилась. Водарилась зловещая тишина. Все прислушивались к вою ветра, глаза были устремлены на дверь. Лина посмотрела в сторону Козинки, вынула из кармана своего широ-

„Приятная“ смертная казнь.

Знаменитый электрический стул уже надоел судьям златантической республики Их «гуманность» не мирится больше с созерцанием преступника, тело которого скрывается под влиянием электрического тока. Изобретена новая «машинка». Преступника сажают в герметически закупориваемый вагончик, даже дают ему читать газету. Бесцветный, бесшумный, ничем не пахнущий газ наполняет в это время это изысканное помещение. Человек незаметно «в блаженной тоске» умирает. Бюстители закона любят этот обряд через специальное стеклянное окошко. На нашем снимке кроме аппарата, даны лица трех узников более года ожидавших подобного исполнения смертного приговора. От приятного ожидания столь утонченной и безбольной казни их волосы успели поседесть. За то весь мир будет говорить о непревзойденных чудесах американской юстиции не отстающей от американской техники.

начала расчесывать свои длинные, черные волосы.

Вскоре в дверях появился Минку. Сидя. Козинка, вскрикнув, упала. Ее унесли в шатер к матери. Затем все

сидя на сарае, оставил Минку и Лину вдвоем.

Четыре вожда похоронили тело Стефана. Чтобы избежать бед на будущее время, решено было общих вечеров не устраивать.

В январе стояли большие холода. Беспорядочно бушевала вьюга. Многие мужчины почевали возле лошадей, а когда было особенно холодно, то даже женщины и дети ютились в сараях, тесно прижавшись друг к другу, накрывшись соломой и сеном.

Пятилетие „Севпечати“

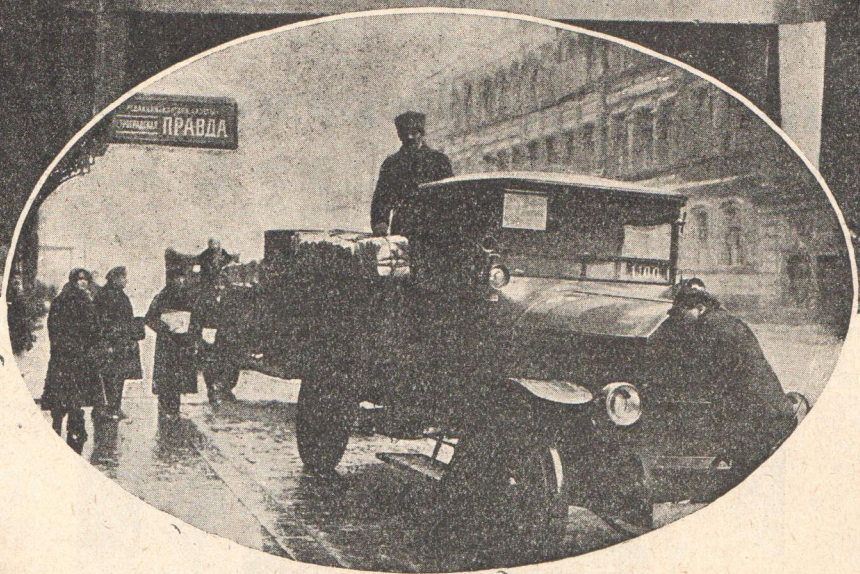
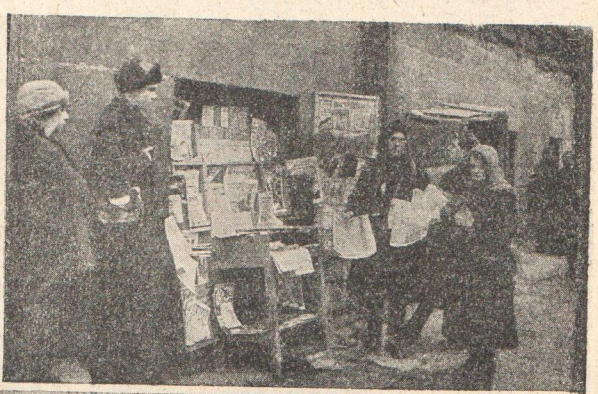
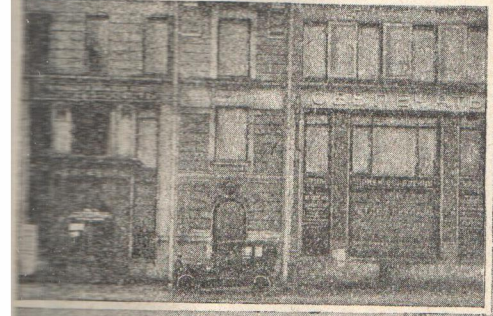
северо-западного областного объединения по распространению произведений печати в Ленинграде.

Как это было.

Кто, переживший, забудет 1918 год? Небывалое, неслыханное напряжение классово-воли и энергии. Борьбу, какой мир не видел, сверхчеловеческие усилия претворить революционный хаос в революционное государство.

ская Коммуна, «Северная Коммуна», «Пламя»—«неуклюжие», наспех сброшюрованные издания литературного отд. комис. печати и прекрасные книжки издательства Петровета широкой волной лились через петербургские вокзалы на фронт и в провинцию. Но вопль не умолкал: книг и газет. Со всех концов в Смольный летели жа-

деваются издаваемые миллионы экземпляров литературы. Становилось очевидным, что есть глубокий порок в аппарате распространения. Но где именно? В чем? О злой воле не могло быть и речи. Значит, все то же проклятое неумение: отсутствие опыта. В страшный Смольный, в 48-ю комнату, к комиссару печати, агитации

Неумелые руки пригались за строительством и строили. Неубуные, наспех сколоченные полки бросались искусного, и—подали. Чем? Революционным порывом. революционный требовал все новарядов энергии. усложнявшееся требование знания. И тогда на обращалась к источнику революционной энергии и ли—Красн. Питеру. сотни тысяч газет, овок, брошюр, журналов и книг бросал ценно Питер на красные фронты и бь страны. «Красная Газета», «Правда», «Деревен-

В центре: 1—зав. «Севпечатью» [А. М. Гертик, 2—инициатор и управдел «Севпечати» Я. М. Млодик, 3—зам зав.эд Н. Н. Секундов, 4—зав. финансов. частью Н. И. Корольв, 5—зав. комиссион. отдела М. Г. Вороноз, 6—зав. гор.д. отд. П. К. Орлов, 7—зав. почт. отд. Н. И. Салин, 8—зав. рекламн.м. отд. А. Е. Рундберг, 9—Г. Я. Назанцев. В углах налево—дом в Ленинграде, где помещается «Севпечать»; направо—один из личных киосков «Севпечати». Внизу (в овале)—экспедиционная работа «Севпечати».

лобы—не на недостаток, а на полное отсутствие литературы. Смольный недоумевал. Хмурился тов. Зиновьев, нервничал Илья Ионов. Куда же

и пропаганды явился молодой человек: работник Пропперовского аппарата по распространению произведений печати.—М. Я. Млодик. Предлагает свои услуги для реорганизации дела распространения произведений печати. Представил докладную записку. План хорош. А все-таки целиком довериться ему опасно. Парак комиссаров к нему не помешает. Ведь есть и среди нас знакомые с техникой этого дела. Конечно, есть: старый партиец, один из основателей старой «Правды» в 1912 году А. М. Гертик и А. А. Израилевич. Так было создано первое правление Всероссийского Бюро по распространению произведений печати. М. Лисовский.

Из Архангельска в Москву на лыжах.

Вручение приза героям-участникам лыжного пробега, являющегося мировым. Их фамилии: (слева направо): Гребенщиков, Скалкин, Вархаш и Хитров.

В походной мастерской мужчины работали у горна и у наковальни, заготавливая шины для колес.

Минку тоже был сильно занят. Он был самым способным среди мужчин. В соседних трактирах он то там, то тут узнавал о каком-нибудь крестьянине, который хотел продать лошадь, и о другом, который нуждался в лошади, и часто барышничал, даже не приводя лошади в табор. И на эти деньги он покупал Лине ярко-красные шали, разноцветные монисты, гребешки,

серебряные кольца и браслеты. Но чем больше он проявлял свою любовь к ней, тем больше она от него отворачивалась.

— Кто ты?—говорила она ему насмешливо.—Ты—раб, раб Мурдо. Все ваше племя—рабы, и Стефан был в тысячу раз лучше тебя.

Сперва он смеялся над ее словами. Она была дочерью вождя, и ему было понятно ее желание, чтобы ее муж не подчинился приказам и воле другого. На то она и женщина. Для него не было никакой надежды

на то, чтобы сделаться вождем. Сын Мурдо Николай, должен был унаследовать свое отцу. Но длинными, зимними ночами ни о чем другом больше с ним и не говорили. Она прибегала ко всем средствам: плакала, отбивалась, лестила, старалась угождать своими ласками. И для чего? Для того чтобы он постарался возвыситься над другими мужчинами. Мурдо уже становился стариком и держался замкнуто.

(Окончание в с. л. № 22).

Снеговые автомобили

На днях в Москве состоялось испытание автомобилей французской фирмы Ситроен с гусеничной передачей и лыжами на передних колесах. Тип—легковая машина 10 N.P. Изобретение—инженера Кегресса, работавшего в России в царском гараже, где он производил опыты и переделал на гусеничный ход три автомобиля Паккард. Но для настоящей постановки производства денег в России не нашлось и Кегресс уехал во Францию. Там его изобретение нашло применение на заводе Ситроен и теперь пользуется таким успехом, что вперед запродана продукция за 3 года.

На последнем испытании в Москве такой автомобиль спускался по лестнице от храма Христа, занесенной снегом и по боковым лестницам набережной к реке и поднимался обратно. Машина совершенно легко идет по снежной целине, перебирается через небольшие сугробы.

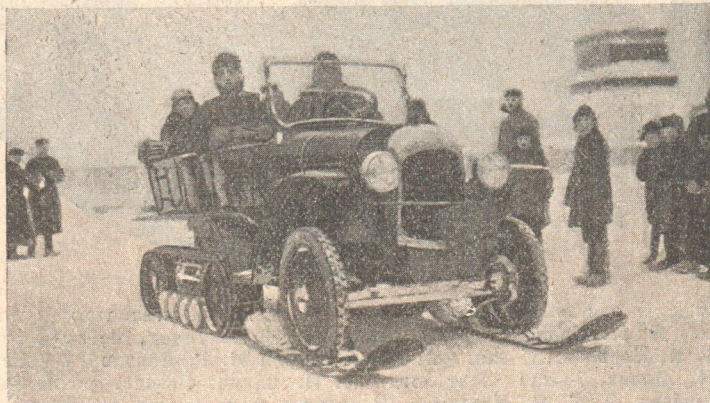
Проф. Н. Р. Бриллинг, также бывший на испытании, указал, что машина может разрешить целый ряд очень больших

вопросов, особенно в авиации. Когда, например, при аварии аэроплан садит в глубоком снегу, или в болотистом месте, куда невозможно братья ни пешком ни лошадях и куда никак может пройти простой автомобиль—«Кегресс» может окатиться незаменимым. Он, действительно, справляется с различными грунтами и сла всего пока дело с нашими и боними снегами.

«Кегресс» был применен в путешествия по Сахаре и цел отряд таких автомобилей составил недавно громадный пробег через всю пустыню. Франция это изобретение уже в широчайшем ходу.

Нечего и говорить о колоссальном значении, которое этот тип мог бы иметь в России при невероятных пространствах при диком бездорожье, в долгой снежной зиме.

Фот. Отто Шмидт.

Снеговой автомобиль «Кегресс».